

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ЯИЦКИХ КАЗАКОВ НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 гг.

А. И. АНДРУЩЕНКО

История яицкого казачества давно стала привлекать внимание историков. Однако дворянско-буржуазная историография пыталась свести причины усилившихся с середины XVIII в. волнений яицкого казачества, переросших в восстание 1772 г., к случайностям: подстрекательству «нескольких лиц», досадному заблуждению казацких масс и т. п.¹ Социально-экономические вопросы, а также классовые отношения в яицкой казацкой общине, быстро разлагавшейся с середины XVIII в. под влиянием развивавшегося капиталистического уклада, анализу не подвергались. Дворянско-буржуазная историография не видела или не понимала классовых противоречий в Яицком войске. Восстание 1772 г. считали мятежом, бунтом «корыстолюбивых» казаков. Однако все писавшие о восстании 1772 г. согласно признавали непосредственную его связь с Крестьянской войной. В последнее время советскими историками предприняты некоторые шаги в разработке социально-экономической и политической истории Яицкого войска; особый интерес представляют исследования И. Г. Рознера².

Настоящая работа ставит своей целью на основании источников вскрыть причины обострения классовых противоречий на Яике во второй половине XVIII в., переросших в крупное казацкое антифеодальное и антиправительственное восстание в 1772 г. Эта сторона истории яицкого казачества до сих пор изучена слабо.

Ст архива Яицкого войска уцелели лишь отдельные фрагменты. Более полно сохранились документы о восстании 1772 г. и следственный материал, в котором имеются и некоторые повстанческие бумаги периода восстания. В данной работе использованы материалы, отложившиеся в московских центральных архивах³, а также опубликованные источники и свидетельства современников⁴.

¹ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. 1, СПб., 1884, стр. 71; Д. Анучин. Происшествия на Яике в 1772 г. «Современник», т. 92, 1862, стр. 566; и др.

² См. М. В. Жижка. Емельян Пугачев, М., 1950; М. Н. Вяткин. Емельян Пугачев, Л., 1951; В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством Е. Пугачева 1773—1775 гг., М., 1951; С. Л. Марголин. Крестьянская война 1773—1775 гг. «Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII в.», М., 1956; И. Г. Рознер. Яицкое казачество накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг. «Вопросы истории», 1958, № 10; Е. Г. же. Социально-экономические отношения на Яике накануне Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. «Научн. зап. Киевск. финансово-экономич. ин-та», т. 7, 1959, стр. 238—260.

³ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, «Об действе генерал-майора Траубенберга»; ф. 119, «Портфели Миллера», п. 152, д. 10; Госарх., разр. VI, д. 505, 665; ЦГВИА, ф. 8, оп. 4193, л. 1536, 1537; ВУА, л. 143; ф. 250. Тайная экспедиция Сената, д. 7183.

⁴ «Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско», сост. А. Рябинин, ч. II, СПб., 1866; Я. К. Грот. Труды, т. IV, СПб., 1901, «Материалы для истории Пугачевского бунта»; Сб. док., «Памятники новой русской истории» (далее ПНИИ), т. II, СПб., 1872; «Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом». «Чтения ОИДР», кн. 3, 1859, кн. 2, 1860; П. Рычков. Топография Оренбургская, ч. I, II, СПб., 1762; П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1809.

Яицкое войско занимало довольно большое пространство на юго-восточной окраине Европейской России вдоль среднего и нижнего течения р. Яика. Точно определить территорию, принадлежавшую войску в середине XVIII в., весьма трудно. Его земли находились главным образом на правой стороне р. Яика и простирались от Гурьева городка до Илецкой крепости, т. е. на 560 верст. На западе они не имели точно очерченных границ⁵.

Численный состав служилых казаков, а также всего населения Яицкого войска можно установить только приблизительно. Проводившиеся периодически переписи не давали точных данных, так как казаки, особенно верхушечные слои их, не были заинтересованы в составлении точных списков яицкого населения⁶. В Яицкой войсковой канцелярии не было точных поименных списков казаков, имелись только «древняя» перечни, но и те «писались примерно»⁷. Канцелярия в 60-х годах XVIII в. официально считала служащих казаков 4200 человек⁸. В Яицком войске одних только казаков считалось в 1769 г. до 15 тыс. человек обоего пола. Кроме того, в Яицком городке постоянно находилось «великое число... иностранных купцов», державших «множество прикащиков и работников». По национальности яицкие казаки в большинстве своем были русскими. Но среди них имелись и представители других народов: «мно- го некрещенных татар, калмыков и так называемых казилбашов, которые произошли от трухменцев и персиян». В правовом отношении казаки-калмыки и татары, если они оставались магометанами, не были равноправны с русскими казаками (в большинстве раскольниками). «Никто из некрещенных казаков» не мог попасть в атаманы или старшины⁹. Казаки из калмыков и татар вместе с русскими выступали против старшинского и правительственного гнета.

Яицкий городок был крупным для того времени городом, с числом дворов, доходившим до 3 тыс.¹⁰. Имея в окружности 8 верст и 300 сажень¹¹, он раскинулся вдоль старого русла р. Яик-Старицы, выше устья реки Чагана, текущей вдоль городка и впадающей в р. Яик. От р. Яика до р. Чагана городок был укреплен бруствером с фашинником, рвом и валом, на котором стояли пушки¹².

Главным богатством Яицкого войска были высшие сорта рыбы, в изобилии водившейся в Яике. Здесь ловились осетры, белуга, севрюга, стерляди, сомы, сазаны, белая рыба и др.¹³. Рыбные богатства считались собственностью казацкой общины. Право на ловлю рыбы имели только служившие казаки. Рыболовство было организовано так, что старшинская верхушка, пользуясь своим служебным и материальным преимуществом, получала рыбы больше, чем рядовые казаки. Перед началом рыбной ловли всем записанным в службу казакам Войсковая канцелярия выдавала «за печатью» специальные ярлыки («ерлыки») на право участия в рыбной ловле. Каждый служилый казак получал только один ярлык. Старшинские же чины получали их несколько: атаман — 4 ярлыка, «знатнейшие» старшины — по 3, все другие старшины и войсковой дяк — по 2 ярлыка. Женам старшин выдавалось по 1 ярлыку. Полученные ярлыки можно было продавать. К этому часто прибегали несостоятельные казаки, не имевшие возможности подготовить рыболовные средства. Приобретали ярлыки в первую очередь зажиточные казаки¹⁴.

Важное значение в хозяйственной деятельности казаков имел соляной промы-

⁵ П. Рычков. Указ. соч., ч. II, стр. 92—93.

⁶ Многочисленные беглые на Яике работали в качестве «работников» у зажиточных казаков. Нарочитое занижение числа служилых казаков происходило и за счет уменьшения лет подросткам и пр. (см., напр., ЦГАДА, ф. 1100, Канцелярия Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, кн. I, л. 591—591об.).

⁷ ЦГАДА, ф. 250, Тайная экспедиция Сената, д. 7221, л. 3.

⁸ См. «Материалы для географии и статистики России», ч. II, прилож. XXIV, стр. 68—69; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 412, 413; см. также ЦГАДА, ф. 250, д. 7221, л. 3 (4218 человек).

⁹ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 412, 413, 414.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1100, кн. I, л. 607; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 411.

¹¹ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 36.

¹² П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 411.

¹³ Там же, стр. 424; П. Рычков. Указ. соч., ч. I, стр. 305—310; ч. II, стр. 88—93; ПНРИ, т. II, стр. 255—257.

¹⁴ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 422—437.

сел. На территории Яицкого войска находилось 32 соляных озера, а в казахских степях — 15 озер¹⁵.

Земледелием яицкие казаки занимались сравнительно мало¹⁶. На его развитии, по-видимому, сказывалось традиционное пренебрежение к хлебопашеству казахских руководителей¹⁷. Довольно широко на Яике было развито огородничество. Обилие сенных угодий позволяло казакам заниматься скотоводством. Они разводили преимущественно лошадей, рогатый скот, верблюдов и пр. Зажиточные казаки содержали скот в степи, имея там обширные скотные дворы или хутора. Некоторые жизненные средства, особенно для рядового казачества, давала охота¹⁸. На Яике были сравнительно развиты ремесленные промыслы. П. С. Паллас указывает, что среди яицких казаков имелись «самые нужные ремесленники»: сапожники, кузнецы, плотники и «прочие мастеровые люди»¹⁹.

Экономическую основу жизни яицкого казачества составляли рыболовство и скотоводство²⁰. На общий материальный достаток яицких казаков указывали многие современники²¹.

«Окладное и хлебное жалование», которое издавна получали яицкие казаки от царского правительства, по своей мизерности никакой роли в материальной жизни казаков не играло. П. С. Потемкин отмечал, что из суммы даточных денег казакам «никогда выше рубля каждому приходиться не могло»²². Царское жалование имело только символическое значение, знаменуя собою службу и подчинение яицкого казачества русскому правительству. Казаки несли все возрасставшие военные обязанности за свой счет.

Яицкие казаки вели оживленную внешнюю и внутреннюю торговлю. Особенно оживилась торговля на Яике во второй половине XVIII в.²³ По свидетельству П. Рычкова, в 60-х годах XVIII в. «вся Оренбургская заграничная торговля» в том числе и яицких казаков велась «с бухарцами, кашкарцами, с ташкенцами и хивинцами». Нередко сюда приезжали с товарами купцы из Индии, Персии и других дальних стран. Иностранцы привозили на Яик золото и серебро в индийских, иранских и бухарских больших монетах, бумажные и полушелковые ткани (полотно, парчу и др.), бухарские черные и серые каракулевые шкурки, драгоценный камень ляпис-лазури и пр. Бойко торговали казаки и внутри Российской империи. Главными их товарами были рыба, икра, клей и другие продукты рыболовства. Для зажиточных казаков рыбный промысел составлял важнейший источник накопления капиталов. Ежегодно из Яицкого городка на русские рынки поступало множество скота. На кожевенные и мыловаренные заводы Казани, Ярославля, Арзамаса и других городов отправлялись крупные партии кож и сала²⁴. Много продавалось добытой казаками соли. Известную долю в торговле, особенно с иностранными купцами, составляли меха.

Таким образом, яицкое казачество было органически связано с всероссийским рынком. Оно испытывало на себе во всех проявлениях влияние складывающегося в России капиталистического уклада.

* * *

Сравнительно быстрое развитие капиталистических отношений во второй половине XVIII в. усилило разложение казачьей общины и углубило процесс имуществен-

¹⁵ В. Н. Витевский. Яицкое войско до появления Пугачева. «Русский архив», 1879, № 10, стр. 232; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 443.

¹⁶ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 445; Я. К. Грот. Труды, т. IV, стр. 606.

¹⁷ «Материалы для географии и статистики России», ч. II, стр. 77—78.

¹⁸ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 419, 421, 422, 446—447; П. Рычков. Указ. соч., ч. II, стр. 91, 92.

¹⁹ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 420; П. Рычков. Указ. соч., ч. II, стр. 91—92.

²⁰ См. свидетельство ген. Фреймана (ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 36об.).

²¹ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 416—417; ЦГВИА, ВУА, д. 143, «О мятеже яицких казаков в 1772 г. и о Пугачевском бунте», л. 19об.

²² Я. К. Грот. Труды, т. IV, стр. 607.

²³ П. Рычков. Указ. соч., ч. II, стр. 91; ПНРИ, т. II, стр. 256; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 412.

²⁴ П. Рычков. Указ. соч., ч. I, стр. 325—326; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 422, 438, 441, 442.

ного неравенства. Эти явления неизбежно обострили классовые противоречия внутри казачества. Во второй половине XVIII в. из общей казацкой массы резко выделялась материальным и политическим положением сравнительно небольшая прослойка зажиточных казаков. Из ее рядов, как правило, избирались и назначались атаманы и старшины. В руках «старшинской» или «послушной» стороны («партии») сосредоточились значительные материальные средства, позволявшие эксплуатировать трудовые слои казачества и многочисленный пришлый люд.

Одновременно в яицкой общине постепенно сложилась многочисленная группа казацкой бедноты, как правило батрачившей или несшей по найму военную службу за богатеев. Основную массу яицкого казачества составляли казаки среднего достатка. Среднее и бедняцкое казачество в ходе классовой и политической борьбы получило название «непослушной», «войсковой» стороны или «народной партии».

Неравномерное распределение ярлыков на право участия в рыбной ловле, продажа и скупка их имущей частью казачества серьезно углубляли имущественное неравенство в Яицком войске. Некоторые яицкие богатеи имели крепостных людей, официально записанных за ними. В материалах Миллера отмечается, что у служивших казаков имелось 152 человека «дворовых людей»²⁵. Наличие крепостных на Яике подтверждается и другими архивными документами²⁶.

На Яик непрерывно приходило множество различного беглого люда, искавшего там возможности «прокормиться». Все эти люди нанимались к зажиточным казакам на различные работы. По состоянию источников нет возможности даже приблизительно выяснить количество пришлых людей на Яике. Они, как отмечалось, никогда не попадали в списки при переписях, ибо казаки тщательно скрывали их, чтобы сохранить себе дешевые рабочие руки²⁷. По словам ген. Фреймана, в Яицком войске «каждому беглому пристань открытая». А во время его наступления на городок в 1772 г. оттуда «под видом работников» ушло более 2 тыс. человек²⁸.

Не меньшей эксплуатации, чем беглые, подвергались со стороны зажиточных казацкая беднота и маломощные средние казаки. Многим из них, отрывавшимся на длительное время от дома в связи с несением военных обязанностей, очень трудно было исправно заниматься хозяйством, требовавшим значительных не только трудовых, но и денежных затрат. П. С. Паллас отметил, что многим казакам «прибыль» от рыбной ловли доставалась с «великим трудом». Часть казаков, «не имея счастья в рыбной ловле», шли на форпостную службу по найму за жалование. В таких случаях земля, луга и право на улов рыбы передавались казакам-нанимателям. Еще В. Н. Витевский отмечал, что в этом случае богатые казаки «выгрызали... вдвойне: увеличивали капитал, с помощью которого потом и забирали бедняков в свои руки»²⁹.

Состояние источников не позволяет привести более обширный конкретный материал об имущественном неравенстве в общине Яицкого войска. Но указанные факты позволяют сделать вывод, что к 70-м годам XVIII в. среди яицких казаков существовало резкое имущественное неравенство, которое определяло классовые противоречия на Яике.

Со второй половины XVIII в. в среде яицкого казачества появились и элементы социального неравенства. Старшинская верхушка явно старалась приобщиться к дворянству. Царизм, стремясь к ликвидации остатков казацкого демократического строя, искал опоры в лице старшинской знати. Первым знаком признания яицкой знати было пожалование чина армейского подполковника атаману Андрею Бородину, после чего он стал «презирать войско»³⁰. Затем офицерский чин получил А. Углецкий и др. «Презирать» казацкую общину, ее демократические порядки и казацкий круг, где прежде всего проявлялась воля казацкого большинства, стала вся старшинская группа.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, «Портфели Миллера», п. 52, д. 10, л. 2.

²⁶ Там же, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 461.

²⁷ Там же, л. 591об.

²⁸ Там же, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 36об.

²⁹ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. 1, стр. 419; В. Н. Витевский. Указ. соч., «Русский архив», 1879, № 4, стр. 427.

³⁰ ПНРИ, т. II, стр. 257. А. Бородин стал войсковым атаманом в 1755 г.

Пользуясь материальным перевесом, разбогатевшие казаки сосредоточили в своих руках всю политическую власть в Яицком войске. В условиях наступления царизма на казацкие вольности и привилегии во второй половине XVIII в. богатая верхушка при поддержке местных и центральных властей стала игнорировать обычаи и права яицкой общины, пыталась окончательно подчинить себе рядовое казачество. В этом отношении характерным примером может служить попытка наказного атамана А. Углицкого и некоторых старшин в начале 60-х годов уничтожить исконный казацкий обычай решать все дела на кругу, т. е. на общем собрании казаков прямым большинством голосов. Но даже царское правительство сочло это мероприятие преждевременным³¹.

Усиление имущественного и социального неравенства неизбежно привело к обострению классовой борьбы, особенно начиная с 60-х годов. Старшинской группе, насчитывавшей 500 человек³², противостояла основная масса казачества. Притеснения казаков со стороны атамана и старшин производились систематически и по разным случаям. Сначала казачество боролось против них путем жалоб оренбургскому губернатору, Военной коллегии и императрице. Внешняя история жалоб обеих сторон в Петербург и следствия, проводившиеся многочисленными комиссиями, присылаемыми из столицы, сравнительно подробно описаны в исторической литературе³³. Но классовая сущность и ход борьбы между двумя «партиями» в Яицком войске, как уже указывалось, почти не выяснены.

Первый серьезный вызов казакам сделал вместе со старшинами в начале 60-х годов атаман Андрей Бородин. Старшинская верхушка категорически отказалась отчитываться о расходе собранных с казаков откупных сумм (на откуп в 1759 г. были взяты пошлины с соленой рыбы). Это сильно оскорбляло достоинство Яицкого войска и подтверждало подозрения о присвоении атаманом и старшинами части собранных денег. Отказ отчитываться перед войском означал не только игнорирование его воли, но и свидетельствовал о новой форме эксплуатации казачества старшинской группой. Накопление ею денег за счет присвоения общественных сумм не вызывало сомнения даже у главного начальника Секретной комиссии по расследованию событий Крестьянской войны 1773—1775 гг. ген.-майора П. С. Потемкина³⁴. В ответ на отказ отчитываться казаки прекратили вносить откупные деньги. Обе стороны пожаловались в Петербург. В 60-х годах на Яик потянулись бесчисленные следственные комиссии под руководством генералов и старших офицеров³⁵. Все они открыто, вопреки очевидным фактам злоупотреблений, поддерживали старшинскую сторону. С ведома и по решениям Военной коллегии казаки подвергались различным притеснениям и физическим наказаниям. Однако злоупотребления старшинской группы были настолько явны и незаконны, что Военная коллегия вынуждена была в 1765 г. признать атамана А. Бородина и старшин И. Акутина, М. Бородина, К. Филимонова, Мостовщикова и дьяка М. Суетина виновными и отрешить их от служебных мест без права впредь избираться на казацкие должности. И все же по «милостивому» указу с них взыскивалась только одна треть присвоенных ими общинных денег. Одновременно из 2800 челобитчиков 49 человек по постановлению Военной коллегии были наказаны плетью и палками и отправлены в Гурьев городок без очереди на один год нести пограничную службу³⁶. Ген. Черепов без всякого повода расстрелял казацкое собрание. В результате было убито 3 и ранено 6 казаков. Невиданный на Яике расстрел казацкого круга в угоду старшинской группе еще больше обострил классовые противоречия в казацкой общине. Личный представитель Екатерины II капитан П. Чебышев, побывавший на Яике в 1767 г., писал в своем «Мнении» о причинах волнения яицких казаков: «Определяемые комиссионеры, все, не исключая

³¹ «Материалы для географии и статистики России», ч. II, стр. 42—43.

³² ЦГАДА, ф. 250, д. 7221, л. 206. Рапорт капитана С. Маврина П. С. Потемкину от 31 августа 1774 г.

³³ Д. Анучин. Указ. соч.; А. Рябинин. Яицкое казачество. «Русский вестник», т. 46, 1863, № 7—8; т. 52, 1864, № 7—8; В. Н. Витевский. Указ. соч., «Русский архив», 1879, № 3, 4, 8, 10, 12; Н. Дубровин. Указ. соч., т. I и др.

³⁴ Я. К. Грот. Труды, т. IV, стр. 609—610.

³⁵ В 60-х годах на Яик посылались следующие следственные комиссии: ген. Брахтвельда, ген. Потапова, майора Новокрещенова, полковника Полозова, ген. Черепова, капитана Чебышева, капитана Дурново — ген. Давыдова, Дурново — ген. Траубенберга.

³⁶ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, лл. 13—14об.

ни одного, с той только разностью, што один больше, а другой меньше держали сторону ответчиков», т. е. старшинской группы. П. Чебышев ясно видел истинные причины борьбы в Яицком войске: «Кажется, главной той их [с]оре была причина та, што управляющие народом власти, желая себя обогатить, не только общественную денег сумму расхищали, но и вновь под видом народных общих нужд неумеренные необыкновенные на народ поборы налагали. Лихоимство и бедным притеснение тех властей обыкновенное было упражнение»³⁷.

Таким образом, присвоение общественных денег, произвольные поборы и лихоимство стали для старшин одним из источников обогащения, одной из форм эксплуатации казачества.

В 1767 г. атаманом был избран казак Петр Тамбовцев. Сначала он принадлежал к народной стороне, но, выставленный на атаманство старшинами, Тамбовцев после избрания открыто перешел на их сторону. Несмотря на лишение ряда старшин чинов и запрещение избирать их на казацкие должности, он назначал их походными атаманами, полковниками и т. п.³⁸. Рядовые казаки отказывались признавать их начальниками и выбирали из своей среды других. Напряженность в Яицком войске нарастала.

Особенно высокого накала борьба достигла в начале 1770 г. в связи с указом Военной коллегии о посылке 334 яицких казаков в состав «Московского легиона». Не без оснований казаки увидели в этом указе попытку правительства превратить Яицкое войско из нерегулярного в регулярное. Подозрение это подкреплялось еще и тем, что, согласно приказа, всем легионерам брились бороды, а для казаков-раскольников это было тяжелым бесчестьем. Они отправили в Петербург делегацию с просьбой освободить их от легионной службы. Казацкие посланцы с большим трудом сумели вручить прошение лично Екатерине II. Видя исключительную непреклонность казаков, дабы не обострять и без того напряженную обстановку на важном пограничном участке юго-востока империи Екатерина II 7 декабря 1770 г. освободила яицких казаков от «легионной команды». Жалоба яицких казаков вызывала настолько сильную тревогу за создавшееся на Яике положение, что Екатерина II повелением Военной коллегии от 2 сентября 1770 г. приказала взыскать со старшин штраф, «отрешить» их «от присутствия» в Войсковой канцелярии и выбрать по «обрядам» войска на их места других. Императрица приказала также выдать казакам задержанное денежное и хлебное жалование, а с виновными в задержке «поступить по силе законов». Войсковой канцелярии предписывалось произвести точный счет «воинской сумме» и в дальнейшем ежегодно делать проверку денежных приходов и расходов³⁹.

Однако царские уступки не могли разрешить острых классовых противоречий между двумя непримиримыми сторонами. Доведенные до предела правительственными репрессиями и вызывающим поведением старшин, казаки были готовы взяться за оружие. В ходе борьбы со старшинами казаки потеряли всякое доверие к Военной коллегии и ее чиновникам. Но они еще верили в справедливость монарха. Не считаясь ни с какими материальными затратами, потерей людей и сил, казаки старались во что бы то ни стало вручить свои челобитные самой императрице. Сознание необходимости заменить дворянскую императрицу «своим» монархом пришло позже.

В условиях тяжелой русско-турецкой войны царское правительство вынуждено было маневрировать. Для успокоения казаков на Яик была направлена новая следственная комиссия в составе личного представителя Екатерины II капитана Дурново и командира Оренбургскими войсками ген.-майора Давыдова. Они должны были проверить факты в духе указа 2 сентября 1770 г. и добиться посылки 500 человек в Кизляр⁴⁰. Но с самого начала следствия Дурново и Давыдов старались выгородить штрафованных старшин (С. Митрясова, М. Суетина, Пономарева и др.), сохранив

³⁷ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 20 (подчеркнуто мной.— А. А.).

³⁸ «Чтения ОИДР», кн. 3, 1859, стр. III; ПНРИ, т. II, стр. 266—267, 270; Я. К. Грот. Труды, т. IV, стр. 614.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 11—11об.; Госарх., разр. VI, д. 505, л. 1—1об.

⁴⁰ Там же, Госарх., разр. VI, д. 505, лл. 2, 3; ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 12.

их на должности в Войсковой канцелярии⁴¹. Оставаясь на свободе, они нескольких человек «замучили до смерти», за шесть лет казакам «денежного жалования не производили», лишили их «общественных рыбных промыслов»: к рыбной ловле допускали только «одних согласных им казаков»⁴².

Действия Дурново и Давыдова встретили решительное сопротивление казаков. Казаки на кругу 9 марта 1771 г. отказались догонять уходящую в Китай Калмыцкую орду и отправлять команду в Кизляр. Военная коллегия попыталась сломить упорство казаков репрессиями. В указе от 16 декабря 1771 г. отмечалось, что в организации поиска за калмыками «сотников и казаков ослушными оказалось до 2008 чел.». «Главных возмутителей» было выделено 43 человека, в том числе и сотник И. Кирпичников. Но арестовали только 19 человек, остальные находились «в укрывательстве и бегах». Члены следственной комиссии предлагали годных к военной службе «предводителей» прогнать через строй тысячи человек десять раз и затем отослать «в заграничную армию для определения вечно в солдаты», негодных — высечь кнутом и отослать «на отдаленные» казенные заводы «в работу безвозвратно», остальных 1965 человек послать в отдаленные команды «без очереди по три раза»⁴³. Кроме того, Военная коллегия приказывала арестовать сотников и казаков, противившихся отправке команды в Кизляр, наказывать их плетьюми и, обрив бороды, записать всех в драгуны Оренбургских легких полевых команд.

Веря еще в царскую справедливость, казаки послали новую челобитную в Петербург с делегацией из 23-х человек во главе с И. Кирпичниковым. Они просили указать капитану Дурново на необходимость выполнения указа от 2 сентября 1770 г. В течение шести месяцев (с 28 июня по 6 декабря 1771 г.) делегация упорно ожидала ответа.

А тем временем обстановка на Яике еще более обострилась. В марте 1771 г. по доносу был раскрыт массовый заговор казаков народной стороны⁴⁴. К сожалению, в архивах пока не найдено подробных сведений об этом заговоре. Но события показывают, что большинство казаков народной стороны еще весной 1771 г. готово было поднять вооруженное восстание.

Явившийся в Яицкий городок в конце 1771 г. ген.-майор фон Траубенберг начал свою следственную деятельность с наказания плетьюми семи казаков, наиболее активно выступавших против посылки команды в Кизляр. Когда же наказанных с остриженными бородами отправили под конвоем в Оренбург, то по дороге шесть из них были освобождены казацким отрядом, насчитывавшим до 300 человек⁴⁵. Вооруженное нападение на конвой и освобождение арестованных товарищей свидетельствуют о решимости казаков силой добиваться своих целей.

Грубые насилия со стороны Траубенберга, яицкого атамана и старшин, начавших, по словам казацкой челобитной, казаков «из домов таскать и немилостиво мучить»⁴⁶, окончательно убедили волновавшихся в неизбежности применения оружия.

10 января 1772 г. из Петербурга вернулись челобитчики. Возглавлявший делегацию сотник И. Кирпичников становится во главе движения⁴⁷. По словам М. Бородина, он объявил казакам, что, если не будут «отрешены» судьи Войсковой канцелярии «от

⁴¹ ПНРИ, т. II, стр. 271; Я. К. Грот Труды т. IV, стр. 614—615.

⁴² ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 106. Челобитная яицких казаков от 15 января 1772 г., напечатанная в приложении к статье Д. Анучина «Происшествия на Яике в 1772 г.» (стр. 601—605).

⁴³ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 130б, 15.

⁴⁴ О заговоре см. ЦГВИА, ВУА, д. 144, л. 33; ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 140б—15; В. Н. Витевский. Указ. соч. «Русский архив», 1879, № 11, стр. 403; Д. Анучин. Указ. соч. «Современник», т. 92, 1862, кн. 4, стр. 587; Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, стр. 53.

⁴⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 15. Рапорт капитана Дурново Екатерине II, август 1772 г.; ПНРИ, т. II, стр. 272.

⁴⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 2.

⁴⁷ Некоторые авторы: В. Н. Витевский (указ. соч.), И. Г. Рознер («Яицкое казачество накануне Крестьянской войны», стр. 105) неверно указывают дату возвращения в Яицкий городок делегации во главе с И. Кирпичниковым. Она вернулась не 9, а 10 января (см. ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 27). И. Г. Рознер ошибочно полагает, что вернулся из Петербурга только Кирпичников. На самом же деле с ним явились в городок 16 делегатов («Записка» С. Маврина. ПНРИ, ч. II, стр. 272).

присутствия», войско не получит жалования, и, если все это «через три дня не исполнится», то казаки будут добывать все «военною рукою»⁴⁸. Атаман Тамбовцев со старшинами попытались арестовать Кирпичникова, чтобы лишить движение вожака, но сделать это им не позволили казаки. С этого момента стали происходить серьезные стычки между антагонистическими сторонами.

С 11 января 1772 г. изба казака Толкачева по Кабанкиной улице⁴⁹, тянувшейся вдоль р. Яика, превратилась в штаб-квартиру готовившихся к восстанию казаков. Сюда по «повесткам» со всех сторон городка стекались вооруженные казаки. Для охраны места сбора были расставлены сторожевые пикеты по 50 казаков. В «Выписке Оренбургской секретной комиссии» по этому поводу говорится, что «час от часу умножалось их сборище, так что вся улица, в которой стечение свое имели, заперлась»⁵⁰. Запрещение Траубенберга собираться не имело никакого действия. Казацкие круги происходили непрерывно. 12 января казацкое собрание постановило идти на следующий день «всем войском» к Дурново, как личному представителю императрицы, и просить его отпустить штрафованных старшин от должностей и взыскать с них штраф и жалованье. Если же Дурново «не удовольствуется» войско, то «сделать самим управу»⁵¹. К этому времени возбуждение казаков достигло предела. Несмотря на зимнее время, многие проводили ночи на улице, обсуждая свои дела⁵². Старшины, при поддержке представителей центральной и губернской властей, упорно не хотели уступать своих постов.

Казаки, сотники, и, в частности, их признанный вожак И. Кирпичников, готовясь к восстанию, проявляли разумную выдержку и хладнокровие. Они неоднократно вступали в переговоры через делегатов с Дурново, требуя выполнения указа от 2 декабря 1770 г. 12 января 1772 г. казаки ультимативно потребовали от него, чтобы он «по силе указу исполнял» и «в самой скорости», а ген. Траубенберг с военной командой «ехал из городка вон», так как казакам «дела до него нет»⁵³.

Впоследствии Дурново писал, что, «видя новой род челобивчества и опасаясь дурных следствий», он попытался выиграть время для подхода вызванных из Оренбурга войск и обещал исполнить казацкие требования через неделю. Но казаки, разгадав хитрость противника, «больше прежнего рассвирепели» и окончательно решили идти к Войсковой канцелярии всей вооруженной массой⁵⁴.

Крайнее возбуждение и решимость казаков бороться до конца произвели на членов следственной комиссии и старшинскую группу сильнейшее впечатление. По свидетельству Дурново, все испугались, а Траубенберг даже «советовал... взять сколько возможно будет пушек и выйти с командою из городка вон». Но осуществить это было трудно, так как «по зимнему времени и глубоких снегов маршировать с пушками по степи никакова способу не было». Кроме того, уход команды показал бы «робость» перед казаками и дал бы им повод «к пушей дерзости». Поэтому члены следственной комиссии «рассудили» остаться в городке, укрепиться в районе Войсковой канцелярии и «ежели будет нападение, защищаться»⁵⁵.

30 пушек были расставлены так, чтобы вести огонь по улицам, идущим к позициям обороны. За артиллерией расположилась регулярная команда до 100 человек и 200 казаков старшинской стороны. Сторонники старшинской группы с большим трудом пробирались через расставленные посты восставших. Заняв позиции, обороняющиеся, по словам М. Бородина, «стояли денно и ночью в крайней осторожности во ожидании наступления на себя бунтовщицей толпы, ведая, что уже она будет и нападение непременно зделают»⁵⁶.

⁴⁸ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 27. «Описание мятежа старшиной М. Бородиным».

⁴⁹ В. Н. Витевский и другие авторы произвольно называют ул. Кабанкину Толкачевой.

⁵⁰ ЦГАДА, ВУА, д. 143, л. 16; Госарх., разр. VI, д. 505, л. 27об.; «Чтения ОИДР», кн. 2, 1860, стр. 36.

⁵¹ ПНРИ, т. II, стр. 274.

⁵² «Чтения ОИДР», кн. 3, 1859, стр. 113.

⁵³ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 16.

⁵⁴ «Чтение ОИДР», кн. 3, 1859, стр. 113—114.

⁵⁵ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 16об.

⁵⁶ Там же; ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 28. «Чтения ОИДР», кн. 3, 1859, стр. 114; ПНРИ, т. II, стр. 277.

Таким образом, у Траубенберга, Дурново, яицкого атамана и старшин не было сомнений в том, что казаки готовятся к вооруженному восстанию.

Ход восстания 13 января 1772 г. исследован еще недостаточно. Классовый характер и формы борьбы яицких казаков в досоветской историографии нарочито затушевывались. Н. Дубровин вопреки документам отрицает преднамеренность казаков добиваться вооруженным путем удовлетворения своих требований, утверждая, будто бы восстание произошло чисто случайно. Он считает, что заявление казаков, сделанное Дурново — если их требования не будут исполнены, они пойдут с оружием в руках и будут «бить до смерти» — «не подтверждается ни рапортом Дурново..., ни показаниями казаков»⁵⁷. Однако такое заявление казаков отмечено даже в приговоре Военной коллегии по делу восстания 1772 г.⁵⁸ По словам прапорщика А. Ефтягина, находившегося при Траубенберге во время восстания, казацкие нарочные заявили, что если им не выдадут старшин, то они «намерены поступать... вооруженною рукой»⁵⁹. Хорошо изучивший яицкие события С. Маврин отмечал в «Записке», что 12 января 1772 г. казаки постановили: в случае неудовлетворения их просьбы «сделать самим управу, на что войско согласилось»⁶⁰. Наконец, яицкий священник М. Васильев, участвовавший не раз в переговорах, рассказывал на следствии, что после отказа Дурново выдать старшин и «поступать по указам» казаки посылали его к противнику с «объявлением», что «войско на него (Дурново.— А. А.) и регулярную команду хочет идти и будут до смерти бить». Дурново сообщал об ожидании нападения со стороны восставших и подготовке к защите от них. По его словам, когда казаки стали подвигаться к их оборонительным позициям, то им сделали предупреждение ближе не подходить, иначе «велено будет стрелять» из пушек. Именно после этого повстанцы ринулись в атаку⁶¹.

В «Записке» С. Маврин отметил, что при допросах «Шигаев и ныне уверяет, что отнюдь войско убийства чинить не думало, но другие в том оспорили»⁶².

Приведенные выше документальные свидетельства бесспорно доказывают, что казаки, отстаивая свои интересы, заблаговременно решили прибегнуть к оружию.

Утверждение Н. Дубровина, что якобы утром 13 января 1772 г. казаки «огромной волной передвигаясь с места на место, все еще не знали на что решиться» и только случайный возглас о рыдающем образе спасителя толкнул их на восстание⁶³, не соответствует действительности. Иконы были взяты восставшими из тактических соображений — они должны были внешне придать наступлению как бы мирный характер. Казаки «богородичную икону по большой улице передом несли с тем, как видно, вымыслом, что для сей святой иконы по них стрелять не будут, а им из-за того злое свое предприятие исполнить легко и свободно будет»⁶⁴.

Однако единодушия в вопросе о применении оружия в рядах народной стороны, по-видимому, не было. Среди восставших были умеренно настроенные, которые боялись доводить дело до вооруженного столкновения. Один из них — Максим Шигаев. В день восстания он «был без всякого оружия» и очень активно старался не допустить применения оружия антагонистическими сторонами⁶⁵. На следствии по делу участия яицких казаков в Крестьянской войне некоторые казаки, стараясь оправдаться, изображали восстание 1772 г. как случайное явление, вызванное неожиданным обстрелом их. Будто бы 13 января они шли с иконами впереди только для того, чтобы «слезно» просить «отрешить» старшин от занимаемых должностей и т. д.⁶⁶.

⁵⁷ Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, стр. 67, прим. 1.

⁵⁸ «Чтения ОИДР», кн. 2, 1860, стр. 37.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, л. 2об.

⁶⁰ ПНРИ, т. II, стр. 274.

⁶¹ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 10; ЦГВИА, ВУА, д. 143, лл. 16об., 17.

⁶² ПНРИ, т. II, стр. 278 (подчеркнуто мной.— А. А.).

⁶³ Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, стр. 62—63.

⁶⁴ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 28об.

⁶⁵ Там же, д. 665, л. 12; ПНРИ, т. II, стр. 278. М. Шигаев и в Крестьянской войне 1773—1775 гг. не был достаточно устойчивым повстанцем. (См. сб. «Пугачевщина», т. II, М.—Л., 1929, стр. 105—106).

⁶⁶ ПНРИ, т. II, стр. 276—277.

Утром 13 января 1772 г.⁶⁷ весь Яицкий городок пришел в движение. Особенно много казаков скопилось на Кабанкиной улице, у повстанческого штаба. По словам Дурново, здесь собрались не только «служивые» казаки, но «отставные и малолетки»⁶⁸.

Отслужив в церкви молебен, огромная вооруженная масса казаков, более 3 тыс. человек, прикрываясь иконами, двинулась в направлении Войсковой канцелярии⁶⁹. Наступление шло по заранее обдуманному плану. Казаки были разделены на две неравные части. Отряд в 300 человек под командой сотников Петра Краденова и Даниила Безлокотнова пошел по Ульяновой улице. Главные силы повстанцев под предводительством сотников Ивана Портнова, Семена Артикеева, Логина Шапошникова, Семена Азовского, Ивана Герасимова, Федота Морковцева, Максима Изюмникова, Козьмы Носова, Афанасия Перфильева, Михайлы Чоботарева и десятников Ивана Кузнецова, Ермолая Ходина наступали по Кабанкиной и прилегавшим к ней улицам⁷⁰. Когда наступающие приблизились, Траубенберг приказал стрелять из пушек картечью⁷¹.

В рапорте Дурново Екатерине II довольно подробно рассказывается о схватке у Войсковой канцелярии⁷². Из этого описания видно, что казаки все время вели себя как военные люди, хорошо знавшие противника и условия боя в населенном месте. Наличие у восставших 500 всадников, заранее предназначенных для преследования противника, еще раз доказывает заблаговременную подготовку казаков к вооруженному восстанию.

Схватка была короткой и успешной для восставших. Бой длился всего около тридцати минут⁷³. Старшинская группа вместе с регулярной командой была полностью разгромлена. Власть перешла в руки казаков. Судя по материалам Военной коллегии, старшинская сторона потеряла убитыми 53 (в том числе ген.-майора Траубенберга, атамана П. Тамбовцева и др.) и ранеными 48 человек⁷⁴. Восставшие разграбили имущество противника. Многие старшины остались живы только благодаря тому, что были арестованы доброжелателями и укрыты в зданиях, охраняемых караулами. Так были спасены один из ненавистных восставшим старшин М. Бородин, раненый Дурново и др. Сам М. Бородин говорил, что он своим спасением обязан сотнику Кирпичникову и судье Сингиленцову, которые с «протчими» от казни его удержали⁷⁵. У восставших было убито более 100 человек и «довольное число» ранено⁷⁶. Оставшиеся в живых солдаты регулярной команды были разоружены и взяты под караул. Недовольство восставших против старшинской группы проявилось и в том, что Войсковой канцелярии «сундуки все перекололи и дела разбросали»⁷⁷.

В день восстания вечером на казачьем кругу были избраны «поверенные судьи» — казаки Василий Трифонов (он же Прозор, 60 лет), Терентий Сингиленцов (30 лет) и Андрей Лабзнев, замененный потом Иваном Неулыбиным (70 лет)⁷⁸. Выбраны были и старшины.

После победы значение казачьих кругов, как высшего демократического органа Яицкого войска, было восстановлено. Все вопросы решались на казачьем собрании. Дурново писал, что за все время пребывания его в Яицком городке после восстания «почти всякий день збирали они (т. е. «судьи». — А. А.) два-три раза круги». По

⁶⁷ А. С. Пушкин ошибочно датирует восстание 1771 г. (А. С. Пушкин. ПСС, т. IX, ч. 1, 1938, стр. 11); П. И. Рычков неправильно назвал днем восстания 12, а не 13 января 1772 г. (Н. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, т. II, СПб., 1867).

⁶⁸ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 160б.

⁶⁹ Там же, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, л. 2об.; А. С. Пушкин ошибочно пишет, что казаки пошли к дому, где жил капитан Дурново (ПСС, т. IX, ч. 1, стр. 11).

⁷⁰ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 665, л. 2об.; «Чтения ОИДР», кн. 2, 1860, стр. 37.

⁷¹ ПНРИ, т. II, стр. 278.

⁷² ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 17; ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 28об.

⁷³ В. Н. Витевский. Указ. соч. «Русский архив», 1879, № 12, стр. 440.

⁷⁴ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 665, л. 3; «Чтения ОИДР», кн. 2, 1860, стр. 38.

⁷⁵ ПНРИ, т. II, стр. 279; ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 665, л. 12; д. 505, л. 29.

⁷⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 2об.; ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 665, л. 3об.

⁷⁷ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 18; ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 29.

⁷⁸ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, лл. 29, 30. Андрей Лабзнев заменен в связи с посылкой его в составе делегации в Петербург с челобитной.

словам старшины М. Бородина, восставшие казаки «приняв Войсковую канцелярию на свои руки, делали по своей воле что хотели». По приговору круга были сменены по яйцкой линии все приверженцы старшинской стороны⁷⁹. Существенным мероприятием повстанческих начальников явилось принятие в казацкую общину новых людей⁸⁰. На Яике еще не сложилась сословная замкнутость, которую встречаем в это время, например, у донских казаков. Объясняется это отдаленностью края и, в частности, многонациональным составом яйцкого казачества. К сожалению, недостаточность документальных данных не позволяет подсчитать хотя бы приблизительно количество всех казаков, вновь принятых в период деятельности повстанческих кругов. Причина принятия новых людей в казацкую общину кроется, вероятно, в стремлении повстанцев увеличить свои ряды главным образом для несения пограничной службы (вновь принятых посылали на Нижние форпосты).

Однако не все беглые, находившиеся в Яицком городке, зачислялись в Яицкое войско. По-видимому, принимались в общину только такие, которые сравнительно долго жили на Яике и считались более или менее проверенными⁸¹. Как выше отмечено, в Яицком городке в период восстания находилось «под видом работников» более 2 тыс. беглых, но они даже не были привлечены к участию в восстании. При подходе войск Фреймана к Яицкому городку вся эта огромная масса беглого люда, боясь возвращения на «прежние места», поспешно покинула городок. А между тем, вовлечение «работников» в восстание явилось бы значительным революционизирующим актом и привело бы к серьезному усилению яйцких повстанцев. Однако на такой решительный шаг руководители восстания, да и значительная часть казаков, конечно, не могли пойти. Имело значение также нежелание казаков сильно расширять численность общины, чтобы не уменьшать свою долю в реализации материальных прав общины.

По решению казаков из Яицкого городка «никто без доклада войску» не мог выехать. В то же время восставшее Яицкое войско не прекращало выполнять свои государственные обязанности по охране границ⁸².

Непоследовательность повстанческих руководителей особенно проявилась в отношениях с побежденными старшинами и их сторонниками. 14 января 1772 г. казацкий круг единогласно постановил «казнить смертию» некоторых «усерднейших угнетателей народа» и послать в столицу делегацию с челобитной, объясняющей причины восстания. На основании этого постановления были казнены войсковой дьяк М. Суетин, писарь калмык Сабузя Сюгунов и др.⁸³. Однако в отношении многих старшинских сторонников под влиянием умеренно настроенных сотников и казаков проводилась соглашательская тактика.

Ряд старшин, в том числе и М. Бородин, принуждены были на кругу просить прощения у войска за свое поведение. Они присягнули войску, обещая «быть во всем обще, никого ничем не уличать и все прежние ссоры предавать забвению», друг на друга «не челобитовать» в Петербург. Присягнувшие предупреждались, что за нарушение «здесьнего общего покоя и согласия» с ними будет поступлено «по законам»⁸⁴, т. е. по обычным законам войска. Все бывшие противники, принятые в казацкую общину, не имели права избираться на какие-либо казацкие должности.

Примирительный характер присяги и факт оставления побежденных врагов в казацкой общине — свидетельство классовой незрелости и непоследовательности яйцких

⁷⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 18; ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 29; д. 665, л. 3, Зоб.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 463, 463об.

⁸¹ О беглых, принятых в число казаков, см., напр., ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 463, 463об.; ф. Госарх., разр. VI, д. 512, ч. 1, лл. 226—226об.

⁸² ЦГВИА, ВУА, д. 143, лл. 2, 18об.; ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 55.

⁸³ ЦГВИА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 29; д. 665, л. 8; В. Н. Витевский. Указ. соч. «Русский архив», 1879, № 12, стр. 443. В челобитной от 15 января 1772 г. казаки писали: «войсковой атаман Тамбовцев и старшина Колпаков присутствующим[и] с старшиною Суетиным из своих рук срублены» (ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 2об.). Д. Анучин, опустив в тексте предлог «с» получил желательный смысл фразы: Тамбовцев и Колпаков зарублены Суетиным (Указ. соч., стр. 603). Такой же пропуск сделал и Н. Дубровин (Указ. соч., т. 1, стр. 74). Смысл приведенного выше места челобитной в том, что Тамбовцев и Колпаков убиты в присутствии Суетина.

⁸⁴ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 30; ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, л. 4; текст «Присяги» с подписями (лл. 65—66).

повстанцев, особенно их руководителей. Непоследовательность и колебания в отношениях с казаками старшинской стороны характерны для всего периода восстания. Наличие двух тенденций в восстании — умеренно-согласительской и революционной — хорошо заметили и вожаки старшинской стороны. Они всячески старались подорвать единство восставших и делали это не без успеха. Даже такой признанный казацкий вожак как сотник Кирпишников в ходе восстания искал соглашения со старшинской стороной. По этому поводу М. Бородин в своем «Описании мятежа» писал: «Кирпишников же и судья их Трифионов и Сингиленцев, сколько видно было худых сперва поступок, по некоторому времени стали было быть по воздержаннее, и другим на то потачки не давали»⁸⁵. Из поверенных судей только один казак Неулыбин, опираясь на массу казачества, требовал проведения против старшинской группы решительных мер⁸⁶. Чтобы не обострять отношений с властями, пленные солдаты регулярной команды были отпущены в Оренбург, но без амуниции и пушек⁸⁷.

Носителями революционной тенденции в восстании были бедняцкие и маломощные слои рядовых казаков. Они стояли за продолжение борьбы до полного уничтожения старшинского засилья и произвола, восстановления поправных казацких вольностей. В ходе восстания эта радикально настроенная часть казаков не раз заставляла своих руководителей и умеренные элементы восставших возвращаться на революционный путь.

Вот как эту сторону противоречий в рядах повстанцев описывает М. Бородин: «Почему народ на помянутых судей своих кроме ево Неулыбина вознегодовал и Кирпишникова не один раз под караул и на цепи сажали, приговаривая: «ты де снами первой был, а теперь хочешь поддобритца, так де узнавай, что у нас никому спуска нет». Итак меж себя у них (восставших казаков.— А. А.) споры и раздоры довольно происходили»⁸⁸.

Колебания и непоследовательность судей и сотников, являвшихся застрельщиками и организаторами восстания, были результатом их политической незрелости, нечеткости программных целей, под знаком которых началось восстание. Руководители поставили главной целью борьбу за выдачу задержанного жалования, за смещение с должностей старшин и взыскание с них штрафа. Четких политических и социальных задач у восстания 1772 г. почти не было.

В челобитной от 15 января 1772 г. на имя Екатерины II, повстанцы старались доказать, что виновниками вооруженного столкновения были генерал Траубенберг и атаман Тамбовцев со старшинами. Казаки же, доведенные до «великой крайности», принуждены были только «обороняться»⁸⁹.

Яицкие события стали предметом специального обсуждения Государственного Совета. Не имея в Оренбурге достаточно сил, правительство решило сначала успокоить казаков мирным путем, а затем военной силой ликвидировать весь строй казацкой жизни. 6 февраля Государственный Совет постановил послать на Яик из Москвы гсн.-майора Фреймана с ротой солдат для подкрепления оренбургских войск. 16 февраля 1772 г. на Совете рассматривалась челобитная казаков⁹⁰. В марте 1772 г. Государственный Совет трижды обсуждал донесения оренбургского губернатора Рейнсдорпа «о продолжаемом Яицким войском непослушании». 19 марта Совет утвердил проект рескрипта, в котором призывал казаков прийти «в прежнее повиновение» и выдать зачинщиков, обещая в противном случае не давать им «ни малейшей пощады»⁹¹.

Восставшие казаки, хотя и заявляли о своей готовности служить престолу верой и правдой, но в действительности не выражали покорности ни в чем. В апреле 1772 г. в Яицкий городок приехал от Рейнсдорпа полковник Андрей Углецкий и потребовал на основании «имянного указа» выдать зачинщиков (по предъявленному списку. Выслушав указ, «все казаки единогласно, а особливо сотники, закричали», что они

⁸⁵ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 30.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ В. Н. Витевский. Указ. соч., «Русский архив», 1879, № 12, стр. 446.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Госарх., разр. VI, д. 505, л. 3; См. также донесение Дурново Екатерине II (ЦГВИА, ВУА, д. 143, л. 18, 18об).

⁸⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 143, лл. 1об.—3 об. Д. Анучин неверно указал количество подписавших челобитную (их было не 23, а 29 человек) (указ. соч., стр. 596).

⁹⁰ Архив Государственного Совета, т. 1, ч. 1, СПб., 1869, стр. 431.

⁹¹ Там же, стр. 432.

«высочайшему е. и. в. соизволению повинуются», но требуют указа за собственной подписью императрицы. Когда же такой указ был предъявлен, повстанцы заявили, что «первыми зачинщиками и нарушителями общего покоя» они считают бывшего атамана подполковника А. Бородина «со старшинами и согласными им казаками». «А у них де зачинщиков никого не было»⁹². Углицкому было заявлено, что арестованные старшины будут держаться под караулом в качестве заложников, пока не вернутся домой казаки, в разное время отправленные в столицу в качестве делегатов и задержанные там. С этим Углицкий покинул 4 мая 1772 г. Яицкий городок.

1 мая в Яицком городке от двух беглых крестьян были получены сведения о переправе около Оренбурга через р. Сакмару «для следования в Яицкий городок немалых воинских команд»⁹³. Войсковая канцелярия немедленно послала четырех казаков «для разведывания». Казаки, выехавшие было на «севрюжье рыболовство», назначенное на 5 мая, узнав о движении войск, вернулись в городок, потеряв «знатный промысел, чего никогда не было»⁹⁴. Государственный Совет рекомендовал Рейнсдорпу ввести войска в городок внезапно, как раз в период рыбной ловли и силой ликвидировать казачьи порядки. Послав делегацию в Петербург, восставшие тем временем готовились отразить нападение царских войск. (В многочисленной переписке с оренбургским губернатором яицкие казаки настойчиво просили не посылать к ним войска до возвращения делегации)⁹⁵. По свидетельству М. Бородина, казаки собирали «крути по два и по три» раза в день, обсуждая вопросы подготовки к защите⁹⁶. Приказчик арзамаского купца С. Делиховского Пантелей Семенов, бывший в это время в городке, рассказывал в Оренбурге 29 мая, что войсковые круги решили «следующий к ним от сель корпус, не допуская до городка, около Рубежного форпоста остановить»⁹⁷. 10 мая поверенные судьи ордером приказывали всем старшинам верхних форпостов задерживать бегущих из городка старшинских сторонников. 17 мая состоялся приговор, который призывал всех казаков перед лицом наступления на войско «не малолюдной команды ...о пользе народной прилежное старание иметь и никто бы при том случае укрывательства... ни чинили...»⁹⁸. Весь май яицкие повстанцы деятельно готовились к боевой встрече с царскими войсками⁹⁹.

Войска Фреймана, покинув 25 мая крепость Рассыпную, двинулись к Яицкому городку. Казачье население встречало их очень недружелюбно. «Яицкие мятежники разъезжают по хуторам, забирают в свой городок послушной стороны всех людей, для исполнения их злодейских предприятий способных». Кроме того, они «и скот туда ж отгоняют»¹⁰⁰.

28 мая на казачьем кругу повстанческие судьи «всему собранию чинили объявление, чтоб навстречу его генерал-майора выступить... с образами безоружно и просить пощады». А для того, «чтоб все войско тому повиновалось» круг постановил взять со всех казаков подписку¹⁰¹.

На первый взгляд, принятая тактика носила исключительно мирный характер. Казалось, поверенные и все казаки отказались от борьбы, капитулировали перед царскими войсками, причем подтвердили это письменно. На самом же деле, это была довольно тонко задуманная и успешно проведенная тактическая хитрость, рассчитанная, с одной стороны, на выявление настроения и намерений сторонников старшинской группы (старшинские сторонники, обязавшиеся присягой быть с Яицким войском заодно, группами перебежали к Фрейману и в Оренбург, многие притаились в городке и исподтишка пытались разлагать ряды восставших)¹⁰², а с другой, вводившая в заблуждение генерала Фреймана и обеспечившая выигрыш во времени.

⁹² ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 50б.

⁹³ Там же, л. 60б.

⁹⁴ Там же, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 30об.

⁹⁵ Там же, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 63об, 64.

⁹⁶ Там же, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 30об.

⁹⁷ Там же, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 68.

⁹⁸ Там же, Госарх., разр. VI, д. 665, лл. 5, 7.

⁹⁹ Там же, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 68, 126, 127; Госарх., разр. VI, д. 665, л. 50б.; д. 505, л. 30а.

¹⁰⁰ Там же, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 65, 80.

¹⁰¹ Там же, л. 126.

¹⁰² И. Г. Рознер безосновательно считает, что на кругу 28 мая среди восставшей части казаков противоречия «выступили с особой силой» («Яицкое казачество нака-

Замысел повстанческих вожakov вполне удался. Старшинские сторонники с охотой приняли тактику покорности. Но вслед за этим пришло известие о переправе войск Фреймана через р. Иртек, т. е. о вступлении их в пределы Яицкого войска. И вот те же поверенные судьи, которые предложили мирную тактику, согласно сообщению в Оренбурге казака Н. Ружейникова, «всему собранию согласовали, чтоб предупредить стараться» Фреймана «с войсками в близость городка не допустить и итти вооруженно».

Как реагировали на это внезапное изменение тактики сторонники старшинской группы видно из рассказа того же Ружейникова: «И хотя де при сем неприятном случае он Ружейников и еще с ним казаки Сидор Кандалинцов, Федор и Андрей Чумаковы, Семион Аксак, да Лелеков... покусились было в том не соглашаться, а остаться так как до того было положено; только де все они за то захвачены и скованы и в тюрьму посажены»¹⁰³.

Документы не отмечают разногласий в лагере повстанцев в это время. Вероятно, противоречия среди повстанцев заглохли перед предстоящими боями с карательными войсками, а также в связи с оживлением деятельности старшинских сторонников.

На другой день (29 мая) на казачьем кругу обсуждалось поведение арестованных, так как, по словам Ружейникова, «простые казаки многие о причине их задержания сожалели и представляли их невинность». Однако судьи, и особенно Кирпичников, до конца разоблачили предательское лицо арестованных, а вместе с ними — всех старшинских сторонников, которые, как «препятственники» вооруженного сопротивления карательным войскам, «заслуживают наказания». Тут же на казачьем собрании Ружейникова и его сообщников «нещадно плетьюми били». Затем наказанные принуждены были дать подписку, «чтоб быть им согласными» с восставшими казаками, «иначе обещана была им смерть». На этом же кругу было решено оставить в Яицком городке для караульной службы по 2 человека от 10, а остальным, в том числе и послушным казакам, выступить в поход против царских войск. Чтобы держать послушных казаков всегда под наблюдением и не дать им разбежаться, их прикрепили по два человека к каждой десятке восставших казаков¹⁰⁴. Эта и другие меры в значительной степени парализовали предательскую деятельность послушных казаков. Побег их в войска Фреймана и в Оренбург очень сократились.

На войсковых кругах конца мая 1772 г. решено было послать делегацию к феодалам казахского Младшего жуза с просьбой помочь в борьбе с войсками Фреймана, так как казахи «равного в роде своем состояния с казаками»¹⁰⁵. Казахский хан и султаны всегда очень внимательно следили за ходом классовой борьбы в Яицком войске, однако предпочитали не вмешиваться и воздержались от прямой помощи казакам, хотя, по словам казака Андрея Кирпичникова, султан Айчувак и обещал прислать «для помочи» до 10 тыс. человек¹⁰⁶.

Поход Яицкого войска против Фреймана и бои с ним 3 и 4 июня 1772 г. описаны в литературе¹⁰⁷. Однако проявление классовых противоречий в Яицком войске в этот период и их влияние на поражение казаков остались невыясненными.

Активный сторонник восстания яицкий священник Михаил Васильев показывал на следствии, что перед выступлением войска в поход по решению круга все «мятежные» старшины, сотники и десятники, человек до сорока, приняли присягу, «чтоб оному войску... были послушны и что оное войско не похочет зделать ничем не отговаривались»¹⁰⁸. Следственные материалы отмечают активное участие И. Кирпичникова «во утверждении старшин, сотников и казаков присягою, чтоб без всякого укры-

нуне Крестьянской войны», стр. 108). Как раз на кругах 28 и 29 мая проявились противоречия не между повстанцами, а между последними и старшинскими сторонниками.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 126. Федор Чумаков во время Крестьянской войны 1773 г. сыграл главную роль в предательстве Е. Пугачева.

¹⁰⁴ Там же, л. 126об.

¹⁰⁵ Там же, л. 205.

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, л. 692; ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 205.

¹⁰⁷ В. Н. Витевский. Указ. соч., «Русский архив», 1879; Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, и др.

¹⁰⁸ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, лл. 9, 10об.

жательства о пользе народной помогали и против бы генерал-майора Фреймана стояли...»¹⁰⁹. Приведение к присяге на верность войску начальствующих лиц перед выступлением в поход говорит о непреклонной воле повстанцев вести борьбу с царскими войсками до победного конца. Присяга должна была пресечь колебания и нерешительность некоторых старшин и сотников. В известном смысле она была предостережением и для сторонников старшинской группы.

Во главе боевой части казаков стояли: «главный предводитель» поверенный судья В. Трифонов, походный атаман И. Ульянов и походный полковник И. Пономарев. Важные боевые вопросы решались на казачьем кругу и в полевой обстановке. Казаки из тактических соображений не хотели первыми начинать бой, хотя при подходящем случае это не исключалось. Так в степи, на кругу, они решили послать к Фрейману нарочных, просить его вернуться с войсками назад и не предпринимать никаких действий, пока посланные в Петербург с челобитной не вернутся на Яик. Однако главной их целью была разведка сил противника. Фрейман со своей стороны категорически потребовал выдачи по списку 44 человек зачинщиков восстания. В ответ на это казачий круг окончательно решил на Фреймана «нападение учинить» и задержать его на р. Эмбулатовке при урочище Барханы¹¹⁰.

Некоторые сотники и казаки снова попытались выступить против сражения с царскими войсками, ссылаясь на прежние подписки, чтобы «вооруженною рукою против воли монаршей не идти». Но по решению круга наиболее активные из них — Гульчихин и Иван Болдырев — были наказаны плетью, а несколько казаков предупреждены¹¹¹. Большинство стояло за сражение с царскими войсками. Ненависть повстанцев к карательным войскам видна из следующего факта. В ответ на сообщение Яицкого войска о первой победе над Фрейманом 3 июня казачье собрание послало поздравление и наказ: «Кроме казаков, всех переколоть, а генерала привести в город». Негодование против угнетателей было настолько велико, что даже женщины ходили по домам и избивали казаков старшинской группы¹¹².

Политические задачи повстанцев были расплывчаты и неясны. Оставаясь царистами, они требовали освобождения Яицкого войска от подчинения Военной коллегии и перехода под власть отдельных царских приближенных (Орловых и др.). Они стремились к восстановлению, хотя уже во многом архаичных, но все же демократических вольностей казачьей общины. Повстанчески настроенная масса рядовых казаков стихийно придавала борьбе ярко выраженный классовый характер. Но отсутствие четкой революционной программы и надежных союзников неизбежно обрекали восстание на поражение.

В ходе восстания у повстанцев появилось некоторое сознание необходимости призвать для борьбы с дворянским государством крепостное крестьянство России. Казак И. Ружейников рассказывал о постановлении казачьего круга (по-видимому, в последних числах мая) в случае победы над войсками генерала Фреймана отправить «нарочных» в «немалом количестве» в столицу с жалобой на действия Военной коллегии и ее президента З. Г. Чернышева, а по пути «возмутить помещичьих людей на побег и принимать их в свое войско»¹¹³. Намерение идти в столицу через всю Россию большим вооруженным отрядом, проведение повстанческой агитации среди крестьянства и вовлечение его в антифеодальное движение — все это свидетельствует о прогрессивном шаге, сделанном яицкими казаками в ходе классовой борьбы.

Дальнейшие испытания окончательно убедили яицких казаков в том, что для успешной борьбы необходимо иметь надежных классовых союзников. Во время Крестьянской войны 1773—1775 гг. яицкое казачество выступало уже убежденным сторонником вовлечения в восстание крестьян и других групп трудового населения.

¹⁰⁹ Там же, д. 665, л. 7.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 103, 107, 107об., 108, 108об., 127. Именной список виновных в восстании напечатан в сб. «Материалы для географии и статистики России», ч. II, прилож. XX, стр. 55; В. Н. Витевский. Указ. соч., «Русский архив», 1879, № 12, стр. 454—455.

¹¹¹ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 665, л. 8; Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 94; В. Н. Витевский. Указ. соч., «Русский архив», 1879, № 12, стр. 452.

¹¹² ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 32об.

¹¹³ Там же, л. 127.

О политической незрелости яицких казаков говорит также и решение казацкого круга — в случае неудачного исхода боев с царскими карательными войсками, сжечь Яицкий городок и, забрав жен и детей «с имением», покинуть пределы России¹¹⁴.

Яицкое войско с его традиционной тактикой нерегулярных войск и военной неорганизованностью не могло устоять против царских войск. Несмотря на численное превосходство казаков, они не выдержали наступления, проведенного по всем правилам военного искусства. Хорошо организованное взаимодействие артиллерийского огня с продвижением пехоты противника принудили казаков 4 июня отступить к Яицкому городку¹¹⁵.

В неудачном исходе сражения с войсками Фреймана известную роль сыграли также сторонники старшинской группы, проявлявшие дезорганизаторскую пассивность и инертность на поле боя.

Утром 5 июня Яицкое войско вернулось в городок. Срочно собравшийся казацкий круг постановил «всему народу» сложить на заранее подготовленные подводы «лучшие пожитки и провиант» и выезжать за р. Чаган для «побегу к Персидской границе». Мост через р. Чаган был построен заблаговременно. Самовольно остававшихся в городке казаков собрание решило «приколоть», Яицкий городок сжечь. Тысячи подвод в сопровождении женщин, детей и стариков «днем и ночью» потянулись за р. Чаган. Они остановились в трех верстах от реки у сборного пункта¹¹⁶.

В поспешной эвакуации городка повстанческие власти забыли об арестованных старшинах. Караульные самовольно «сошли» со своего поста и старшинские «приятель» освободили бывшего атамана подполковника А. Бородина и всех других заключенных, которых при оставлении городка решено было уничтожить. Освобожденные незаметно усаkali в лагерь Фреймана.

Характерно, что старшинским сторонникам даже в условиях боевых неудач их противников удалось привлечь на свою сторону ничтожную часть повстанцев — лишь 52 человека из них участвовали в освобождении арестованных¹¹⁷. Это свидетельствует об остроте и непримиримости классовых противоречий в казацкой общине.

6 июня войска подошли к городку. Мост через р. Чаган был захвачен, покинувшие городок казаки с помощью обещаний и угроз возвращены. Обескураженные поражением, боясь за свои семьи, повстанческие руководители даже не пытались завязать оборонительные бои с царскими войсками под городком. «Начинщики» в количестве 300—400 человек во главе с И. Кирпичниковым усаkali в степи, но вскоре почти все были пойманы¹¹⁸.

Вооруженное восстание яицких казаков, захвативших и державших власть на Яике почти полгода, было разгромлено. Согласно рескрипту от 4 июня 1772 г.¹¹⁹, Яицкая Войсковая канцелярия была ликвидирована, а вместо нее учреждена Комендантская канцелярия. Вся власть над войском перешла в руки коменданта подполковника И. Д. Симонова. Помощниками коменданта стали старшины Мартемьян Бородин и Иван Логинов. Назначены были новые сотники и десятские. Полицийстером стал старшина Тамбовцев. Казацкие собрания (круги) уничтожались. Колокол сняли. Сбор казаков производился только по барабанному бою по приказу коменданта. Так

¹¹⁴ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 33об.; ф. 1100, оп. 1, кн. 1, л. 127, 127об.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, лл. 209об., 218, 218об. Согласно «Ведомости о состоянии корпуса, марширующего к Яицкому городку» у Фреймана было всего 2079 человек. Из них здоровых — 1852 человека. По словам яицких казаков, они имели до 3 тыс. человек (ЦГАДА, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 83об.—84, 103). Фрейман считал, что против него действовало «по крайней мере тысяч до восьми» (ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, л. 36). Наши подсчеты подтверждают данные Фреймана. Однако непосредственно в боях, вероятно, участвовало до 3 тыс. человек, остальные, рассыпавшись по степи, демонстрировали численное превосходство и составляли резерв. Эта мысль может быть подкреплена тем, что следственные материалы показывают «мятежнического» войска «служащих и отставных» всего 2588 человек (ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1537, л. 3).

¹¹⁶ ЦГАДА, Госарх., разр. VI, д. 505, лл. 33об., 34, 35об.

¹¹⁷ Там же, ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 180—181.

¹¹⁸ Там же, Госарх., разр. VI, д. 505, лл. 34, 34об., 35; ф. 1100, оп. 1, кн. 1, лл. 152об., 153об., 175об., 176, 176об.

¹¹⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 143, лл. 12—13.

были окончательно уничтожены остатки казацкого демократического строя на Яике. Казацкое движение было задавлено, но повстанческий дух уничтожить не удалось. Яицкие повстанцы, обогатившиеся опытом вооруженной классовой борьбы притихли, но не покорились.

